

27
ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS
DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

ACTA JURIDICA ET POLITICA

Tomus XXXIV.

Fasciculus 7.

1986 FEB 0 4

ИМПРЕ САБО

Теоретические и практические вопросы
из области судебных разбирательств по
делам об установлении попечительства

SZEGED
1985

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS
DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

ACTA JURIDICA ET POLITICA

Tomus XXXIV.

Fasciculus 7.

ИМПЕ САБО

Теоретические и практические вопросы
из области судебных разбирательств по
делам об установлении попечительства

SZEGED
1985

Redigunt

ELEMÉR PÓLAY, ÖDÖN BOTH, LAJOS TÓTH

Edit

*Facultas Scientiarum Politicarum et Juridicarum Universitatis Szegediensis
de Attila József nominatae*

Nota

Acta Jur. et Pol. Szeged

Szerkeszti

PÓLAY ELEMÉR, BOTH ÖDÖN, TÓTH LAJOS

Kiadja

*A Szegedi József Attila Tudományegyetem Állam- és Jogtudományi Kara
(Szeged, Lenin krt. 54.)*

Kiadványunk rövidítése

Acta Jur. et Pol. Szeged

ИМПРЕ САБО

1. Положение личности и попечительство

«Положение личности (статус) это совокупность таких юридически значимых обстоятельств, которые определяют личностные отношения и личные качества человека, основанные на правовых нормах государственного, семейного права и правах личности в противовес его умущественно-правовому положению.»¹

Конституция Венгерской Народной Республики обеспечивает каждому гражданину полное юридическое равенство — без различия пола, национальности или вероисповедания. «В Венгерской Народной Республике каждый человек правоспособен: он может иметь права и обязанности.» (Абз. (1) § 8 закона № IV от 1959 г. (Гражданский Кодекс; в дальнейшем — ГК). Однако полное правовое участие в жизни общества, даже в случае безоговорочной правоспособности, только тогда будет «беспрепятственным», если данное лицо будет располагать в то же время и дееспособностью. То есть, для приобретения прав и принятия на себя обязанностей он должен обладать свободной и осознанной способностью к волеизъявлению и принятию решения. «Дееспособное лицо может самостоятельно заключать договоры или совершать другие правовые волеизъявления.» (Абз. (2) § 11 ГК). Итак, «дееспособность — это способность лица, заключающаяся в том, что оно обладает соответствующей степенью зрелости, а его умственные и физические недостатки не препятствуют формированию принятия решения, то есть, возможности выбора между альтернативными отношениями. Дееспособность предполагает зрелость и целостность рассудочной способности человека. С учетом этого, полнота дееспособности означает способность к сознательному принятию решений».²

Таким, образом, положение личности в самом себе содержит то, насколько правоспособно лицо как правовой субъект, в каких случаях, при наличии каких условий можно ограничить или лишить его дееспособности. Судебные разбирательства дел, связанные с двумя такими случаями, следующие: в отношении правоспособности это процесс, не связанный с судебным спором, об объявлении умершим, а в отношении дееспособности — судебное разбирательство об установлении попечительства или о его прекращении.

В нашем действующем праве содержится два значительных круга обстоятельств, при которых устанавливается попечительство.

¹ A polgári perrendtartás magyarázata. Kommentár. (Комментарий ГПК. В дальнейшем — Комментарий.) Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Бп., 1975. 1266. old.

² Világhy—Eörsi: Magyar polgári jog. (Венгерское гражданское право.) Бп. 1965. I—II. 100. old.

Случаи при которых устанавливается попечительство, влияющее на дееспособность:

- а) на основании абз. (1) § 13 ГК ограниченной дееспособностью обладают те совершеннолетние, над которыми суд установил попечительство.
Абз. 2-й: суд устанавливает попечительство с ограничением дееспособности над теми совершеннолетними лицами, которые неспособны вести свои дела с необходимой рассудительностью из-за продолжительной или периодически возникающей значительной ограниченности рассудка, являющейся следствием умственного состояния, душевного недостатка или какой-нибудь болезненной страсти.
- б) В соответствии с абз. (1) § 16 ГК недееспособным является лицо, над которым суд установил попечительство с лишением дееспособности.
Абз. 2-й: суд устанавливает попечительство с лишением дееспособности над совершеннолетними лицами, постоянно и полностью неспособными рассудительно вести свои дела вследствие умственного состояния или душевного недостатка.

Случаи при которых устанавливается попечительство, не влияющее на дееспособность.

- а) временное попечительство,
- б) попечительство назначаемое в случае отсутствия лица,
- в) разовое попечительство,
- г) официальный представитель (здесь два вида: назначенный судом и назначенный органами опеки и попечительства),
- д) попечительство в случае запрета суда на распоряжение имуществом,
- е) попечительство для еще не родившегося ребенка.

Порядок судебного разбирательства дел, связанных с установлением попечительства регулируется главой XVIII нашего гражданского процессуального кодекса (закон № III от 1952 г., в дальнейшем — ГПК), которая содержит и правила о разбирательстве других дел, связанных с положением личности. С учетом чрезвычайной важности положения личности, правовые нормы, регулирующие разбирательство таких дел (как дееспособность, брак, происхождение), выделены в особое производство. В таких судебных разбирательствах принятые решения являются обязательными для всех, то есть, до тех пор, пока в каком-нибудь судебном разбирательстве не произойдет изменение правового положения по решению суда, вступившего в законную силу, до тех пор нельзя ссылаться на обратное, а также успешно доказывать обратное. Поэтому, в связи с установлением попечительства, «для ограниченной дееспособности или недееспособности вынесенное решение, вступившее в законную силу, в отношении любого попечительства — то-ли урегулированного в § 13 с ограниченной дееспособностью, то-ли урегулированного в § 16 с лишением дееспособности — является не просто формальным, а содержательным, материально-правовым предвзвешенным условием.»³

Здесь заметим, что попечительство, вследствие его характера как правового института, сходно с опекой, так как в общем, правила опеки соответственно применимы и к попечительству (абз. (1) § 12. указа № 11 от 1960 г. об исполнении и вступлении в силу Гражданского Кодекса; в дальнейшем — ИГК). Существенное различие, однако, в том, что опекун пользуется правами родителей,

³ Szegő György: A gondnokság jogi fogalmának, az egyes gondnoki tisztségek elhatárolásának kérdései. (Вопросы правового понятия попечительства и разграничения отдельных должностей попечительства.) — In: Ügyészségi Értesítő, 1969. évi 1. sz. 20. old.

тогда как «цель попечительства — восполнение недостающей правовой дееспособности и, таким образом, этот институт относится не к семейному праву, а к сфере личного права».⁴ Поэтому «опека, восполняющая и замещающая родительский надзор, в качестве органической части семейного права, регулируется Семейным кодексом, а положения института попечительства содержатся в ГК.»⁵

В то же время, этот институт имеет довольно двойственный характер. Поскольку обеспечивает правовую защиту лицам с ограниченной дееспособностью и недееспособным тем, что исключает их из гражданского оборота, не разрешает чтобы из-за собственной неопытности или ограниченной вменяемости попадали в неблагоприятное положение. «Это только одна сторона опасности, против которой и открывается защита, то, что в определении внутренних соотношений договора лицо может заблуждаться — против этого в значительных случаях также защищает и запрещение кабального договора, или недействительность договора из-за введения в заблуждение. Наряду с этим существует еще опасность того, что свои задачи, потребности он не может взвесить на должном разумном уровне.»⁶

Поэтому, таким образом, попечитель обладает — за исключением особо личных дел подопечного — кругом общих, представительных полномочий в гражданском обороте по имущественным делам подопечного. «Все правовые действия недееспособного лица, находящегося под попечительством — за исключением малозначительных сделок определенных в ГК — от его имени совершает его законный представитель, тогда как лицо с ограниченной дееспособностью и находящееся под попечительством само совершает правовые действия, но с согласия или последующего одобрения его законного представителя. При отсутствии этого, любая правовая деятельность такого лица является недействительной.»⁷

Итак, попечитель «обязан заботиться о лице находящемся под попечительством только в той мере, насколько это необходимо, с учетом обстоятельств, послуживших причиной для установления над ним попечительства.» (Абз (2) § 12 ИГК.)

В дальнейшем будут рассмотрены отдельные проблемные вопросы, связанные с судебным разбирательством, как предварительным условием установления попечительства.

2. Возбуждение гражданского дела

§§ 718—724 закона № 1 от 1911 г. регулировали процесс установления попечительства. С учетом того, что § 28 закона XX от 1877 г., содержавший материально-правовые условия установления попечительства, различал две группы случаев установления попечительства, то и круг истцов был различный.

⁴ Takács József: A Polgári Törvénykönyv hatása családjogunkra. (Влияние Кодекса гражданского права на наше семейное право.) — In: Magyar Jog, 1960. évi 7. sz. 271. old.

⁵ Pap Tibor: Magyar Családjog. (Венгерское семейное право.) Tankönyvkiadó, Bp., 1979. Átdolgozott kiadás. 369. old.

⁶ Csanádi György: Néhány észrevétel a cselekvőképesség szabályozásához a Polgári Törvénykönyv tervezetében. (Некоторые замечания о регулировании дееспособности в проекте Кодекса гражданского права.) — In: Magyar Jog. 1958. évi 7. sz. 200. old.

⁷ Páll József: A családjogi törvény néhány kérdése. (Некоторые вопросы закона о семье.) — In: Studia Juridica Auctoritate Universitatis. Pécs Publicata. Tankönyvkiadó, Bp. 1961. 15. old.

На основании п. (а) § 28: могли просить об установлении попечительства над душевнобольным или глухонемым, не способным объясняться с помощью знаков:

1. родственники душевнобольного, по восходящей и нисходящей линии,
2. родственники по боковой линии, до двоюродного брата (сестры) включительно,
3. один из супругов,
4. прокурор по делам сирот и беспризорных.

Далее, в отношении лиц, указанных в п. 1—3, мог просить вместо них и их законный представитель.

Круг возможных истцов на основании п. (б) и п. (в) § 28 был частично шире, а частично уже; в отношении:

— таких душевнобольных и глухонемых, способных объясняться с помощью знаков, которые из-за одного или другого недостатка не могут распоряжаться своим имуществом,

— транжиров

могли просить об установлении над ними попечительства:

1. сами, для учреждения над ними попечительства,
2. прямые родственники,
3. один из супругов,
4. прокурор по дела сирот и беспризорных,

если имелись налицо условия предусмотренные в § 4 закона УІ от 1885 г. А именно, что при установлении попечительства из-за полного обнищания лиц можно было рассчитывать, что общине придется взять на себя расходы по содержанию попечительства.

Круг истцов был уже в том смысле, что законные представители лиц, указанных в п. 2. и п. 3., не могли возбудить гражданского дела.

Не разбирая подробно вопроса о том, почему нельзя было придерживаться старого материально-правового регулирования (впрочем, и тогда уже нельзя было жестко применять, да и не применяли), просто с точки зрения его осмысливания — не было бы лучше расширить круг возможных истцов до родственников по боковой линии, по крайней мере, до *братьев и сестер*?

Обоснование этому видится мне в том, что во многих случаях родители лица не обладающего рассудком — до тех пор пока живы — соответствующим образом заботятся о нем и обслуживают его. После их смерти, однако, это «добровольно взятое попечительство» прекращается, а в отсутствие супруга, у подопечного не остается других родственников кроме братьев или сестер, или их детей, а также родственников по боковой линии. Они, однако, по нашему действующему законодательству не могут возбудить этот процесс. Так установление попечительства, затрагивающего дееспособность, «может требовать прокурор, орган опеки и попечительства, а также один из супругов и прямой родственник лица над которым устанавливается попечительство» (§ 8. ИГК).

Далее, было бы целесообразным рассмотреть, среди других лиц имеющих право на предъявление иска, права *временного попечителя*, назначенного органами опеки и попечительства лицу нуждающемуся в попечительстве. «Органы опеки и попечительства в необходимых случаях назначают временного попечителя для тех совершеннолетних, у которых постоянно отсутствует достаточная рассудочная способность, необходимая для ведения их дел» (первая часть абз. (1) § 44. ИГК). Однако, срок действия назначения временного попечителя по истечению одного года прекращается и, если за это время не уста-

новят над таким лицом попечительства, затрагивающего его дееспособность, то ведением его личных и имущественных дел никто не занимается. И в настоящее время временный попечитель только может возбудить дело о назначении попечительства, если он одновременно является супругом (супругой) или прямым родственником.

Право *супруга* на предъявление иска относится к правовому состоянию брака, а не к фактическому совместному сожительству.

Вопрос, однако, в том, является ли обоснованным широкие права *прокурора* на возбуждение гражданского дела. На основании ныне действующего законодательства подавляющее большинство исков прокуроров предъявляется по делам об установлении попечительства. (В соответствии с одним исследованием 1977. года, таких исков, по отношению ко всем искам прокуроров, было почти 80%.) Было бы целесообразным устранить правовую обязанность прокурора возбуждать процесс, если имеются к этому указанные в законе основания. По моему мнению, будет более правильным поставить право прокурора возбуждать дело в зависимость от условий, а именно, прокурор только тогда может возбудить такой процесс (в случае отсутствия лиц имеющих право на предъявление иска, или даже при наличии таковых, но не желающих возбуждать дело), если предъявление иска будет обоснованным, но орган опеки и попечительства в пределах обусловленного периода времени не намерен его предъявлять даже несмотря на предупреждение прокурора. (Заметим здесь, что при таком подходе необходимо будет изменить и абз. (2) § 39. постановления Министерства юстиции о процессе по наследственным делам, так как на основе действующей нормы — «если нотариус на основе заранее известных данных сможет установить, что какой-нибудь наследник страдает душевным заболеванием или обладает другим умственным недостатком, ограничивающим или лишаящим его дееспособность, то нотариус, помимо сообщения об этом компетентному прокурору, вместе с передачей других данных, находящихся в его распоряжении и касающихся интересов наследника, сообщает и о возможности возбуждения дела об установлении попечительства. Прокурор же извещает нотариуса о таком возможном процессе и о его результатах. И, до принятия сообщения об этом, или, в случае возбуждения дела об установлении попечительства, нотариус оставляет разрешение наследственного дела в зависимости от окончательных результатов этого судебного разбирательства.» (Вышеупомянутые обязанности прокурора, вытекающие из сообщения нотариуса, естественно, касаются в первую очередь, органов опеки и попечительства.) В таком направлении прокуроры и раньше действовали, особенно тогда, когда заявителями были такие лица, которые и сами обладали правом на возбуждение дела (один из супругов, прямые родственники). В то же время, и инструкция Генерального прокурора № 4/1973. старается это обосновать. «Прокурор только тогда может возбудить дело об установлении попечительства, если имеются для этого предварительные правовые условия (абз. (2) § 13., абз. (2)—(3) § 16. ГК), но ни супруг, ни родственник по прямой линии лица, нуждающегося в таком попечительстве, и ни орган опеки и попечительства не возбуждают дело, хотя в общих интересах необходимо установление такого попечительства» (§ 19. инструкции). В то же самое время, орган опеки и попечительства «тогда возбуждает дело — при наличии для этого условий (абз. (2) § 13., абз. (2)—(3) § 16. ГК) — если у лица, нуждающегося в такой опеке, нет супруга, родственника по прямой линии, или же они есть, но не желают возбуждать такого дела (§ 8. ИГК)» (абз. (1) § 226. постановления Министерства просвещения № 1/1974.

(УІ. 27.) о производстве по делам опеки; в дальнейшем — ПДО). По моему убеждению, приведенные здесь нормы права, как логически, так и хронологически, доказывают правильность обрисованной мною практики. Не противоречит этому и то решение Верховного Суда, где на основании фактических обстоятельств дела, составлявших его основу, орган опеки и попечительства просил об установлении попечительства над ответчиком с лишением его дееспособности. Во время личных показаний ответчика выяснилось, что его мать умерла, но отец жив, и предоставил его адрес. Представитель истца заявил о том, что отца ответчика предварительно не призывали к возбуждению дела об установлении попечительства над ответчиком. Окружной суд отказал истцу в иске, ссылаясь на абз. (1) § 226 ПДО, как преждевременному. Однако, согласно позиции Верховного Суда, нарушение правил производства по делам опеки само по себе не дает оснований для отказа в иске. В соответствии с § 8. ИГК орган опеки и попечительства может просить об установлении попечительства, затрагивающего дееспособность, наравне с другими, имеющими на это право.⁸ Однако, по моему мнению, правила руководства деятельности, как органов опеки и попечительства, так и прокуратуры — в отношении правомочных на предъявление других исков — препятствуют формированию практики двух вышеупомянутых органов по возбуждению процесса.

Редко бывает так, что какая-нибудь из сторон, предъявляющая иск, не имеет на это личного права на основании §8. ИГК. Хотя иногда можно обнаружить и такой случай. Например, когда об установлении попечительства над престарелым ответчиком просили жильцы из-за невозможности совместного проживания. Суд совершенно правильно окончательно отказал им в иске без вызова их в суд. Но, однако, совершенно неправильно сослался на п. (д) абз. (1) § 130 ГПК, указывая, что «истец не обладает процессуальной правоспособностью...». В этом случае в исковом заявлении нужно было бы отказать на основании абз. (4) § 283. ГПК, который применим и к судебному разбирательству об установлении попечительства. «В деле о брачном споре в приеме искового заявления следует отказать, без послышки повестки о вызове в суд (§ 130), если истец явно не имеет права на предъявление иска.»⁹ В соответствии с действующим законодательством на основе этого же параграфа можно отказать в исковом заявлении если сторона, предъявляющая иск, является братом или сестрой ответчика.¹⁰ Это кажется только вопросом техники законодательства, но, с моей точки зрения, это не обоснованно, что активная или пассивная легитимация урегулирована различными нормативными актами (§ 8. ИГК и § 307. ГПК). Было бы целесообразно, чтобы оба положения были размещены в ГПК.

Анализируя возбуждение дела со стороны ответчика, можно прийти к выводу о том, что § 306 ГПК исключает объединение ответчиков в одном деле. (Заметим, однако, что в процессе по делам об отмене назначенного попечительства, иногда возможно, более того, даже обязательно, если об установлении такого попечительства просило несколько лиц, имеющих право на возбуждение дела. В то же время, на основании абз. (1) § 312 ГПК, «иск об отмене установленного попечительства необходимо предъявить к тому лицу, по иску которого суд установил попечительство...»). «Иск об установлении попечительства может быть соединен только с другим иском об установлении попечительства над тем

⁸ Legf. Bir. (Верх. Суд.) P. törv. II. 20. 520/1971. sz.

⁹ Szegedi Járásbíróság (Серегедский окружной суд.) P. 21. 042/1977. sz.

¹⁰ См.: Szegedi Járásbíróság (Серегедский окружной суд.) (P. 22.060/1977. sz.; Legf. Bir. (Верх. Суд.) P. törv. II. 20.427/1969. sz.

же лицом или с иском о прекращении родительского надзора того же лица» (§ 306 ГПК). Органы опеки и попечительства просили в исковом заявлении установления попечительства над ответчиками (братьями). Суд, рассматривавший это дело, своим решением установил попечительство над обеими ответчиками. В решении Верховного Суда, вынесенного вследствие протеста, сказано, что «окружной суд в нарушение закона не принял во внимание обособленность этих двух дел.»¹¹ Теперь, в настоящем судебном делопроизводстве, это означает регистрацию нового разбирательства (*de facto* другого дела), а это обоснование по ГПК теоретически не состоятельно. На основании ГПК, в случае разделения такого дела, из одного дела не станет нескольких дел (разбирательств). Так как § 306 ГПК исключает понятие процессуального соответчика, то окружной суд тогда бы поступил более правильно, если бы во время рассмотрения подачи искового заявления принял во внимание наличие нескольких ответчиков и призвал бы истца выяснять, к какому конкретно ответчику он хотел бы предъявить иск. Это, к тому же, позволяет § 95 ГПК. «Если письменное заявление не соответствует требованиям закона или по иной причине нуждается в дополнениях или исправлениях, то председатель суда возвращает стороне заявление с назначением краткого срока и с указанием недостатков, предупреждая одновременно сторону о том, что в случае повторного представления заявления с недостатками оно будет отклонено судом или же рассмотрено в соответствии с его содержанием.» Если же истец не изменит свой иск, то тогда применяется п. (к) § 130 ГПК согласно которому суд отказывает в принятии искового заявления без посылки повестки о вызове в суд (абз. (1) § 125 ГПК), если будет установлено, что истец не подал в назначенный срок возвращенное ему для исправления недостатков исковое заявление (§ 95 ГПК) или же подал его повторно с недостатками, что делает рассмотрение иске невозможным. Если в таком понимании «недостатков» искового заявления суд выявит их только в процессе разбирательства, то поступит правильно в том случае, если обратит внимание истца на § 306 ГПК, и, если истец и дальше придерживается требований в отношении второго ответчика, то в отношении его суд прекращает процесс и указывает ответчику на возможность возбуждения нового дела.

Что касается XV—XVIII глав, то, на основании руководящих положений XV главы, в судебном разбирательстве об установлении попечительства можно применять и абз. (2) § 279, согласно которому, вступление «третьих лиц по брачному спору не допускается».

В то же время, положения XVI—XVII глав предоставляют определенному кругу лиц право вступления в судебный процесс. В спорах об установлении отцовства и об установлении происхождения: «Мать может выступить в процессе в качестве третьего лица как на стороне ответчика, так и на стороне истца» (§ 294 ГПК). В спорах по делам о прекращении родительского надзора: «родитель может вступить в дело в качестве третьего лица как на стороне ответчика, так и на стороне истца» (п. (а) абз. (1) § 302). В спорах же по делам об установлении попечительства положение абз. (2) § 279 осуществляется с трудом. Представляется, что эта норма права нуждается в изменении. До тех пор, пока не обоснованна возможность вступления третьих лиц в спорах о брачных делах из-за характера чрезвычайно тесно взаимосвязанных личных правоотношений двух сторон, до тех пор в делах об установ-

¹¹ См.: Kiskörösi Járásbírószág (Окружной суд Кишкөрёши.) (Р. 20292/1972. sz.; Legf. Bír. (Верх. Суд) P. törv. II. 21 235/1972. sz.

лении попечительства будут такие заинтересованные лица, которые по желают принять участие в разбирательстве дела — точно также, как и в случаях, предусмотренных в XVI—XVII главах, но в данном случае, не в качестве соистца, как это предусмотрено § 305 ГПК — а в интересах поддержки ответчика, в интересах выигрыша судебного спора. В качестве конкретного примера приведем процесс, когда пожилой (89 лет) ответчик переселился к незнакомым лицам, и, из расчета в 100 000 форинтов, которые он получил в качестве возмещения за передачу своей квартиры в собственность государства, заключил договор на содержание, но один из его троих детей (с которым у него был заключен ранее договор на содержание, расторгнутый впоследствии судом) возбудил дело об установлении над ним попечительства. Однако, другой из его троих детей — как это однозначно можно определить из письменного заявления, направленного суду — возражал об установлении над ним попечительства. Практически он предпринял такие действия, заявления как третье лицо, суд же, однако, выслушал его «только» в качестве свидетеля.¹² (В конце концов суд отклонил иск.) В этих случаях было бы более обоснованным разрешение участвовать в деле в качестве третьей стороны. По моему убеждению, это право принадлежит супругу, родственнику по прямой линии, а также братьям, сестрам и временному попечителю, если они могли бы получить право на возбуждение дела. Прокурору также принадлежит право вступления в процесс на основании § 2/A ГПК.

Подавляющее большинство *исков* предъявляется уполномоченными на это административными отделами Советов (как орган опеки и попечительства). В них, как правило, точно указывается: 1. исковое требование, 2. соответствующие достоверные данные об умственном состоянии ответчика, 3. его имущественные отношения, 4. для обоснования своего заявления прилагают соответствующие документы (обычно медицинские свидетельства).¹³ Существенными недостатками, однако, обладают иски, подаваемые частными лицами. Истцы часто не обращают внимания на предписания п. (в) абз. (1) § 121 ГПК. А именно, что в искомом заявлении следует указать «право, подлежащее осуществлению, с приведением фактов, служащих для основания такого права и с изложением доказательств.» Поэтому суду приходится требовать, чтобы истец приложил к своему исковому заявлению, например, специальное медицинское свидетельство от психиатрического лечебного учреждения или больницы об умственном состоянии и о клиническом уходе. Как я уже упоминал, в исковых заявлениях органов опеки и попечительства, или прокуроров в этом отношении нет недостатков, так как они обычно получают сообщения от психоневрологического отделения или больницы о возможности предъявления иска и прилагают к своему заявлению письменные врачебные отношения. Более проблематичным выглядит положение с исковыми заявлениями частных лиц. Здесь в общем-то отсутствуют предварительные медицинские свидетельства, на которые, как правило, и ссылается истец в своем искомом заявлении! Довольно редко, но бывает, что у ответчика есть недвижимое имущество, но истец не прилагает справку инвентаризационного бюро.

Приобретенный собственный опыт в отношении *назначения судебного разбирательства* показывает, что суд неудовлетворительно выполняет свои обязан-

¹² Szegedi Járásbíróság (Середский окружной суд.) P. 22 071/1977. sz.

¹³ Szegediné dr. Sebestyén Katalin: A gondnokság alá helyezési perekről. (О спорах по делу об установлении попечительства.) — In: Magyar Jog, 1982. évi 7. sz. 608. old.

ности, вытекающие из абз. (4) § 3 постановления Министерства юстиции № 9/1965. (VIII. 23.) и из § 3. ГПК, а также абз. (2) § 164. ГПК, по обеспечению документов, связанных с прохождением лечения ответчика и приобщения их к разбираемому делу. В соответствии с абз. (4) § 3. постановления Министерства юстиции № 9/1965. (УШ. 23.) — «Компетентные органы — по возможности — еще перед принятием решения заботятся о том, чтобы для выявления своего компетентного мнения были в наличии все необходимые материалы... предыдущего медицинского исследования.»

Эти медицинские свидетельства могут содержать данные решающего значения для дела. Суд же довольно редко приобретает их по своей инициативе. Обеспечение их обычно перекладывают на эксперта. Полагаю, что такой порядок не служит ни всестороннему выяснению всех обстоятельств дела, ни ускорению судопроизводства. Неоднократно случалось так, что суд в *определении о назначении эксперта* не сообщает эксперту местонахождение ответчика. И эксперт, тем самым, напрасно приглашает ответчика на обследование, он не является и только после наведения справок суд направляет эксперту адрес ответчика. (Например, когда он находится в доме для престарелых.) И тогда это ведет к затягиванию процесса. Чрезвычайно проблематично содержание *определения о назначении эксперта*. Частично потому, что суды не придерживаются п. (а) — (ж) § 4. постановления Министерства юстиции № 9/1965. (УШ. 23.), а частично — и это связано с предыдущим — вместо дачи заключения по специальным вопросам, упомянутым в п. (е) § 4., от экспертов требуют ответы на правовые вопросы.¹⁴ Суд видит задачу экспертов в том, что им «нужно дать ответ на вопрос о том, имеются ли в наличии условия для установления попечительства с ограничением или лишением дееспособности ответчика.» И так, в процессе механического решения дела — поскольку судьи обращаются в основном к 2—3 специалистам-психиатрам — «и так эксперт знает в чем дело!» — суд не предоставляет эксперту предварительные медицинские свидетельства, к сожалению, в общем так и не обеспеченные судом, так, что даже при их наличии, суд не сообщает, где и когда эксперт может с ними ознакомиться. (Это особенно важно при разбирательстве дел об отмене установленного попечительства. Достоверное мнение эксперта только тогда можно ожидать, когда эксперт ознакомился с предварительным мнением врача-специалиста, которое и послужило основанием для установления попечительства.)

Между тем, § 43. постановления Министерства юстиции № 9/1965. (УШ. 23.) однозначно интерпретирует вопросы экспертизы. В спорах об установлении попечительства «экспертам-врачам... нужно высказать мнение о том, что постоянно и полностью ли отсутствует рассудочная способность, необходимая для ведения дел обследуемого лица, из-за умственного состояния или душевного недостатка, а также уменьшилась ли в значительной мере рассудочная способность, необходимая для ведения его дел, из-за продолжительного или периодически возникающего умственного состояния, душевного недостатка или какой-нибудь болезненной страсти.» И так, очевидно, что эксперту нужно высказать свое мнение относительно условий установления попечительства. Установление же попечительства, или определение его степени (с ограничением или лишением дееспособности) не задача эксперта, а вопрос права и поэтому решение его — задача суда. Такие же по смыслу руководящие положения содержатся

¹⁴ См.: Szegediné dr. Sebestyén Katalin: i. m. (указ. соч.) 610—611. old.

в п. (а), п. (б) 1/в методического письма № 4. Венгерского института медицинских наук Министерства здравоохранения. В такой формулировке задача эксперта заключает в себе определенный предюрисдикционный характер.

В качестве эксперта в судебном разбирательстве не может выступать врач, лечивший ранее ответчика. Поэтому считаю особо вопиющим нарушением норм права судебное разбирательство в одном из наших судов, в котором истец (орган опеки и попечительства) возбудил дело на основе извещения психоневрологического отделения. В судебном разбирательстве вместо назначенного эксперта специальное заключение подготовил тот самый врач, заведующий отделением, который подписал предыдущее уведомление. Суд обратился к нему с целью выяснения: почему он вместо назначенного эксперта подготовил это заключение. Буквально дословно в письменном объяснении содержалось следующее: «...подготовил это заключение эксперта потому что Т. Й. (ответчик) лежит в клинике. Главный врач. С. материалы дела послал мне с просьбой дать свое специальное заключение на основе вышеозначенных обстоятельств. И в прошлом не раз так случалось, что кто-либо давал экспертное заключение о больном, лежащем в отделении. Это в рамках соответствующих сложившихся форм привыкли улаживать между собой.» И после всего этого суд, не долго думая, своим решением — опираясь на инкриминированное заключение — установил попечительство над ответчиком!

Следуя по пути последовательной практики Верховного Суда, сегодня уже нельзя найти ни одного примера, когда бы в судебное заседание не *вызывали бы ответчика*, а только его официального представителя. Но это уже другой вопрос, что были многочисленные примеры того, что ответчик не получал повестки о вызове в суд и искового заявления, а суд, тем не менее, проводил заседания, даже устанавливая, что ответчик не являлся на судебное разбирательство. Хотя в таких случаях на основании категорических положений абз. (1) § 135. ГПК судебное разбирательство нужно отложить. Было и такое судебное разбирательство спора, когда исковое заявление и повестку о вызове в суд (а позже и решение суда) всегда получал истец, совместно проживавший с ответчиком. Суд лично не заслушал ответчика. Из заключения эксперта не было ясно что эксперт сообщил бы ответчику цель исследования (между прочим, ответчик явился на исследование в сопровождении истца и истец во время прохождения исследования находился там до самого конца). И, уже как абсурдный случай, бывает, что у ответчика нет ни малейшего представления о начавшемся против него процессе!

В соответствии с Комментарием ГПК нет такой нормы права, которая предоставила бы лицу с ограниченной дееспособностью самостоятельное право на предъявление иска (невозможно это и с согласия законного представителя). Значит, такой процесс супруг или прямой родственник с ограниченной дееспособностью может возбудить только через своего законного представителя. Это положение находит свое подтверждение § 16. закона № 1. от 1974. г. о едином тексте и изменении закона № 4. от 1952. г. браке, семье и опеке (в дальнейшем — КЗОБСО) и в § 123. ПДО, в которых говорится исключительно о признании брака недействительным и о расторжении брака.

§ 16. КЗОБСО: «Правомочное лицо должно лично предъявить иск о признании брака недействительным. Правомочное лицо с ограниченной дееспособностью может и само предъявить иск с согласия своего законного представителя; если правомочным лицом является супруг, то согласие законного представителя не требуется. Если правомочное лицо находится под попечительством,

исключающим дееспособность, то иск может быть предъявлен от его имени законным представителем, с согласия органа опеки и попечительства.»

Абз. (1) § 123. ПДО: «Для возбуждения дела о расторжении брака или о признании его недействительным от имени супруга находящегося под попечительством, исключающим дееспособность, предъявить иск может только попечитель (разовый попечитель), с согласия органа опеки и попечительства. (§ 16. и § 19. КЗОБСО).» Но это также опирается и на второе предложение абз. (2) § 312. ГПК, который в отношении отмены установленного попечительства содержит специальное правило — «Лицо, находящееся под попечительством, в данном процессе обладает полной процессуальной дееспособностью.» Значит, если ИГК содержит отдельные положения о том, что само лицо, находящееся под попечительством, может возбуждать дело об отмене такого попечительства (как лицо с ограниченной дееспособностью), то из этого «*a contrari*» следует, что такого права (права самостоятельного предъявления иска) в остальных случаях у него нет. Но если дело уже возбуждено, то в нем полностью дееспособным можно считать только лицо с ограниченной дееспособностью. Здесь можно привести и абз. (2) § 14. ГК в котором сказано: «Лицо с ограниченной дееспособностью вправе и без содействия своего законного представителя совершать волеизъявления личного характера, право на которые предоставляются ему правовыми нормами.» Такие правовые полномочия, однако, предоставляются только абз. (1) § 85. ГК (защита личных прав), абз. (2) § 623. и абз. (2) § 624. ГК (завещание). С другой стороны, при возбуждения дела об установлении попечительства над другим лицом не считается таким волеизъявлением, которое в отношении истца обладает «личным характером».

Совершенно другой вопрос, не относящийся к возбуждению дела, что в уже начавшемся процессе, на основании § 278., истец с ограниченной дееспособностью обладает полной процессуальной дееспособностью. Однако, это правило не распространяется на недееспособных, которые только с помощью своего законного представителя могут принять участие в процессе.

В то же время, по моему мнению, нельзя подводить под действие § 278. ГПК тот случай, когда истцом является несовершеннолетний родственник с ограниченной дееспособностью. Из этих положений (§ 278. ГПК) не может вытекать для несовершеннолетних 15—18 лет возможность совершать действительные процессуальные действия по делам об установлении попечительства.

Верно определено Комментарием ГПК, что под понятием «супруг» в § 278., применяемого на основании § 304., в делах по установлению попечительства, следует понимать не только супруга, а и — с учетом характера дела — родственника по прямой линии. § 278. ГПК: «В делах по брачным спорам супруг с ограниченной дееспособностью обладает полной процессуальной дееспособностью.»

Проблематично, однако, может ли изменять исковое заявление или отказываться от него лицо с ограниченной дееспособностью неправомерное на самостоятельное возбуждение дела. По моему мнению, такой подход мог бы в полной мере нарушить вышеизложенные положения, поэтому, — *mutatis mutandis* —, с применением аргументации относительно предъявления иска, такой истец не имеет права на изменение искового заявления или отказа от него.

Одно время было спорным по делам об отмене попечительства, обладает ли лицо, находящееся под попечительством, полной процессуальной дееспособностью. Этот вопрос разрешил указ № 26. от 1972. г., изменив редакцию абз. (2) § 312. ГПК, согласно которому: «Лицо, находящееся под попечительством,

в данном процессе обладает полной процессуальной дееспособностью. Суд, однако, в случае необходимости может назначить для него временного официального представителя.»

3. Судебное разбирательство

Иногда бывает, хотя это и является ошибкой, что суд вызывает для разбирательства дела только временного официального представителя, только ему посылает решение суда и т. д. В связи с этим, Верховный Суд в своем решении по многим случаям подробно изложил, что в делах об установлении попечительства вызов в суд официального представителя не означает, что *ответчик лично или его представитель* не может привлекаться к участию в процессе. «До тех пор, пока решение об установлении попечительства не вступило в законную силу, до тех пор ответчик может защищаться в собственных интересах против иска. Этому не может препятствовать назначение временного официального представителя.»¹⁵

В соответствии с обоснованием Министра юстиции к принятию Гражданского кодекса, является общим, что человек дееспособен. Поэтому до тех пор считается ответчик дееспособным, пока судебным решением не ограничивается или не лишается его дееспособность. На основании § 278. ГПК в спорах по делам об установлении попечительства лицо с ограниченной дееспособностью обладает полной процессуальной дееспособностью. Но и в делах об установлении попечительства с лишением дееспособности он также может совершать правомочные процессуальные действия, пока мерами суда не затронута процессуальная дееспособность ответчика. Это подтверждается также применением § 278., на основании § 304. ГПК, а также абз. (1) § 285., в соответствии с которым, «в делах по брачным спорам суд обязан супругов заслушать лично.» Абз. (5) того же параграфа, однако, предоставляет возможность необязательности личного заслушивания сторон в случае психической болезни одного из супругов.

Однако, эти положения ГПК многие не совсем правильно истолковывают. Закрепленное нормой права на означает, что душевнобольной не может привлекаться к рассмотрению дел о брачных спорах, только абз. (1) дает возможность не прибегать к обязательным личным заслушиваниям. По моему мнению, Верховный Суд неоднократно верно указывал, что в делах об установлении попечительства именно умственное состояние ответчика является спорным, поэтому особенно следует прибегать к личным заслушиваниям чтобы непосредственно убедиться в его умственном состоянии. По моему убеждению, назначение судом временного официального представителя для ответчика на основании § 307. ГПК не исключает совершение ответчиком самостоятельных процессуальных действий. Назначенный на основе § 307. ГПК временный официальный представитель является особым, третьим лицом в процессе. Назначенный временный официальный представитель действует не вместо ответчика или от его имени, а вместе с ним и в его интересах. Особенно подчеркиваю последнее. Если ответчик из-за каких-то причин не может участвовать в процессе, то гарантии закона требуют, чтобы его интересы не остались незащищенными. Бачо Енё пишет: «Временный официальный представитель не вместо ответчика

¹⁵ См.: Legf. Bir. (Верх. Суд.) P. törv. II. 20 193/1978. sz.; Legf. Bir. (Верх. Суд.) P. törv. II. 21 608/1979. sz.

выступает, а вместе с ним, в его интересах. Даже в случае назначения временно-го официального представителя ответчик имеет право самостоятельно участвовать в процессе, может совершать процессуальные действия, более того, он сам может назначить представителя.»¹⁶

К этой позиции близка и точка зрения Шелнитца Дьёрдя. «Временное официальное представительство занимает промежуточное место между законным представительством и представительством для ведения дел.» В пользу предоставления ответчику личных процессуальных прав говорит и то, что он пока не может вмешиваться в вопрос о том, кто будет его временным официальным представителем. Шелнитц решительно подчеркивает, что для временного официального представителя и для стороны, которую он представляет, совместные процессуальные действия в общем исключаются, так как временного официального представителя тогда назначают, когда участие стороны в процессе не может быть обеспечено; сразу же упоминая об исключении, что в делах об установлении попечительства сторона, представленная временным официальным представителем, и сама может принять участие в процессе.¹⁷

По моему мнению, нельзя допускать того, что во многих случаях истец, проживающий вместе с ответчиком, получает повестку о вызове в суд, и исковое заявление, направленные ответчику, а суд выносит решение без того, чтобы хотя бы раз увидеть ответчика. Далее, в тех случаях, когда ответчик находится в психоневрологическом учреждении, безусловно, необходимо чтобы председатель суда, как делегированный судья, лично «взглянул» (выслушал) его. И точно также, если ответчик душевнобольной, то это само по себе не может служить обоснованием для отказа суда выслушать его. Предметом спора судебного разбирательства является как раз выяснение того, является ли ответчик душевнобольным и, вследствие этого, уменьшилась ли или же отсутствует у него рассудочная способность. Для этого безусловно необходимо, чтобы судья за исключением чрезвычайно обусловленных случаев — лично контактировал с ответчиком, то есть, заслушал бы его. То, что ответчик находится в заведении для душевнобольных, ни с точки зрения возможности вызова в суд, ни с точки зрения личного заслушивания, само по себе не является исключительным обстоятельством. Применение абз. (5) § 285. ГПК только тогда может быть обоснованно, если душевнобольной ответчик представляет опасность для самого себя или окружающих и это его состояние на основе других доказательств можно однозначно определить.

Судебное разбирательство и тогда будет проведено с нарушением закона, если суд вызовет ответчика, но во время проверки явившихся для разбирательства дела не внесет в протокол о том, что вызов ответчика был ли произведен в соответствии с нормами права. С случае же его отсутствия, но при наличии истца и временного официального представителя, суд фиксирует в протоколе: «Вызванные в судебное заседание явились.»

В процессе своих исследований я не встречался с таким случаем, чтобы суд применил бы абз. (1) § 308. ГПК: «Если по делу об установлении попечительства вызванный ответчик не явился лично, то суд может постановить о его приводе, ...» Суды часто повторно вызывают ответчика и если в конце концов он не является то выносят решение.

О процессуальной деятельности временного официального представителя в

¹⁶ Kommentár. (Комментарий.) 1447. old.

¹⁷ Kommentár. (Комментарий.) 428—429. old.

суде можно установить, что она является полностью формальной. По существу его роль сводится к просьбе об отказе в иске, но предоставлением доказательств он не занимается. Другой случай, когда против удовлетворения иска, на основе заключения эксперта, он не возражает, однако, практически не задает вопросов эксперту. Примеров на это я почти не нашел. Существенная часть случаев, когда вместо адвоката приходит на судебное заседание стажер адвокатуры. А из практики известно, что стоят такие замены (с уважением, конечно, к исключениям).

«Если условия, необходимые для установления попечительства подтверждены с должной вероятностью, то суд, одновременно с назначением дня слушания или в ходе разбирательства, может временно установить попечительство над ответчиком.» (абз. (2) § 307. ГПК). В ходе моих исследований я и на это не нашел примера. Возможно, что причина этому то, что суды решают такие дела шаблонно, на основе только заключения эксперта. В то же время, может возникнуть достаточно много теоретических проблем в связи с этим параграфом.

Каковы условия его применения? Срочная необходимость, вызванная тем, что ответчик может растратить свое имущество и т. д., а также наличие условий установления попечительства подтвержденных с должной вероятностью. В случае срочной необходимости это возможно не только в суде первой инстанции, но и в суде второй инстанции, а также в ходе принесения протеста в порядке надзора. Поэтому, если вследствие протеста в порядке надзора Верховный Суд отменяет вступившее в законную силу решение суда об установлении попечительства только из-за нарушения процессуальных норм, а решение вопроса по существу представляется обоснованным, то, по моему мнению, в своем решении или отдельным определением следовало бы оставить установление попечительства в качестве временной меры. Иногда может быть так, что на основании решения суда, вступившего в законную силу, орган опеки и попечительства уже назначил ответчику попечителя, ввел установление попечительства занесением в именной список лиц, находящихся под попечительством, и в книгу учета недвижимого имущества. Поскольку в соответствии с § 10. ИГК: «Судебное решение, вступившее в законную силу, об установлении попечительства или постановление суда о временном попечительстве, могущее подлежать немедленному исполнению, обладает одинаковой силой наравне с судебным решением вступившим в законную силу об установлении попечительства (абз. (2) § 307. ГК).» Если установление временного попечительства имеет одинаковую силу наравне с решением, вступившим в законную силу, то в дальнейшем все последующее нужно соответствующим образом применять так, как будто бы речь шла о решении суда. То есть, органу опеки и попечительства нужно назначить попечителя, занести в именной список и т. д. В этом случае, однако, если лицо, находящееся под попечительством, будет лишено дееспособности, тогда, по моему мнению, в судебном разбирательстве он дальше не может принимать участие и вместо него будет выступать его законный представитель (т. е. попечитель). Поскольку § 278. ГПК говорит об «органиченно дееспособном супруге», а не о недееспособности, а нормы ГПК не подлежат расширительному толкованию. Это подтверждается объяснением Комментария ГПК к абз. (2) § 49., «... когда в соответствии с гражданским правом лицо является недееспособным, то в процессе об отмене попечительства оно располагает процессуальной дееспособностью. В этом процессе лицо, находящееся под попечительством, будет процессуально дееспособным — даже тогда, когда установили

попечительство с лишением дееспособности — но суд исходя из необходимости может назначить для него временного официального представителя.»¹⁸ Из этого «*a contrariis*» вытекает, что во всех других случаях от имени недееспособного лица должен выступать его законный представитель.

Если определение суда содержит временные меры об установлении попечительства с ограничением дееспособности, то ответчик и в дальнейшем имеет право принимать участие в процессе на основании § 278. ГПК.

Для достоверной вероятности условий, необходимых для установления временного попечительства, не считаю обязательным заключение эксперта в дополнение к другим данным. В таких случаях для принятия определения достаточно приложить к иску или письменному заявлению о временных мерах медицинское свидетельство.¹⁹

В соответствии с нормами действующего права меры временного характера остаются в силе до тех пор, пока суд позднее вынесенным решением не отменит их, или не примет решение по существу дела. По моему мнению, характер установления попечительства — которое оказывает основополагающее воздействие на объем осуществления прав личности — требует, чтобы меры временного характера не превращались в постоянные (например, если разбирательство дела прекратится в результате отказа истца от иска или приостановления разбирательства дела). Поэтому, путем изменения правовых норм было бы целесообразно закрепить, что определение суда, содержащее меры временного характера, — если позднее не будет принято решение по существу, или не будет отменено определение — по истечении одного года теряет свою силу. Мы можем найти пример решения такого характера, ведь и орган опеки и попечительства может назначить временного попечителя максимум на один год. Это и потому было бы желательно, что сейчас нет такого ограничения и поэтому это решение — не основанное на убежденности суда — можно отменить позднее только иском, направленным на отмену установленного попечительства.

Думаю, что положение абз. (1) § 288. ГПК о том, что если выступающий в качестве истца *прокурор не явится на судебное заседание*, то суд по своей инициативе назначает новый день слушания дела, но не прекращает дело производством, является необоснованным. Такая формулировка нормы права является излишней, так как прокурор и в отношении других положений ГПК (I—XV) глав не получает особых прав. Практически и инструкции Генерального прокурора № 4/1973. оставляет это без внимания, когда указывает прокурорам чтобы они просили суд в своем исковом заявлении о том, чтобы в случае их отсутствия суд проводил судебное разбирательство без них.

В результате последовательной практики Верховного Суда сегодня уже редко случается, чтобы суд первой инстанции *передавал решение* только истцу или временному официальному представителю. Так как официального представителя нельзя считать «уполномоченным на ведение дел в суде», то решение суда следует вручать и ответчику, у которого есть право на самостоятельное обжалование. А так, в результате неполучения ответчиком решения суда, нельзя назвать правомочным отказ от обжалования, если в момент оглашения решения суда только истец и официальный представитель ответчика пользовались этим правом.

Возможно, и это не будет считаться недопускаемым *изменением иска*, если

¹⁸ Kommentár. (Комментарий.) 328. old.

¹⁹ Противоположное мнение у Вачо Енё: см.: — Kommentár. (Комментарий.) 1449. old.

истец в суде второй инстанции вместо установления попечительства с ограниченной дееспособностью просит установить попечительство с лишением дееспособности. Это по существу соответствует п. 6 § 247. ГПК об увеличении иска. С точки зрения процессуального права важно то, что процесс об установлении попечительства продолжается. В противоположном случае и тогда произойдет установление попечительства с ограничением дееспособности, если на основе материалов судебного разбирательства, будет обоснованное установление попечительства с лишением дееспособности. Сложнее вопрос, если истец, то-ли в первой инстанции, то-ли во второй, даже несмотря на разъяснение судьи не предъявляет иск об установлении попечительства с лишением дееспособности. В этом случае суд тогда поступит правильно, если — в противоположность мнению большинства судей президиума Верховного Суда (1976. ЕЛ. 11. Д. 22/15.) — не распространяя исковое заявление на другие требования, одновременно с отсрочкой процесса сообщит прокурору о возможности изменения искового заявления.

Может возникнуть вопрос, что случится, если над ответчиком установили попечительство на основе *иска лица неправомочного на возбуждение дела*. Поскольку сила постановления, вынесенного по протесту в порядке надзора, распространяется на стороны только в том случае, если протест принесен в течении одного года с момента вступления в законную силу решения суда, то так, по существу на основе незаконно принятого решения, ответчик оказывается — возможно до конца жизни — под попечительством. Если жерешение по существу дела верно, обоснованно, то возобновление процесса проводится не может, а иск, направленный на отмену установленного попечительства, не может привести к положительным результатам. Думаю, в случае таких пробелов процессуального права следует придерживаться материальной действительности. Ведь если бы исчезла необходимость установления попечительства, то иск, направленный на отмену установления попечительства, приведет к положительному результату и подопечный вернет свою дееспособность, а попечительство как раз и служит, в первую очередь, его интересам.

4. Доказывание в спорах по делам о попечительстве

В судебных разбирательствах по делам о попечительстве пределы доказывания определены однозначно в абз. (2) § 13. и абз. (2) § 16. ГК. Коротко: суду следует убедиться в том, что ответчик (лицо, находящееся под попечительством, в спорах по делам об отмене попечительства):

- а) имеет ли такие дела, для ведения которых необходима рассудочная правоспособность,
- б) страдает ли ответчик каким-либо *душевным заболеванием* (или имеется у него какая-нибудь пагубная страсть, в соответствии с абз. (2) § 16. ГК),
- в) и *влияет ли это на его рассудочную правоспособность*.

Можно видеть, что решение этих вопросов требует основательной, внимательной работы. На основании моего опыта, однако, работа суда по выяснению обстоятельств дела *небрежная и недостаточная*. Нет единообразия в судебной практике и в том, до каких пределов и что следует выяснять в связи с личностью ответчика. На основе руководящих решений Верховного Суда (но и в интересах ответа на вопросы вышеупомянутых пунктов (а) — (в) суду следует выяснить:

1. *личные и имущественные отношения ответчика,*

2. какое поведение проявляет ответчик в повседневной жизни среди привычной обстановки,
3. обладает ли ответчик необходимой активностью и нужными знаниями для ведения своих дел,
4. каковы его отношения с окружающими,
5. какова его общая социальная приспособляемость,
6. соответствует ли образ его жизни привычным требованиям его окружения.²⁰

Чтобы своим решением суд смог дать обоснованный ответ на эти вопросы в общем нельзя обойтись без: 1. личного заслушивания *ответчика*, 2. *заслушивания в качестве свидетелей лиц, проживающих в его окружении*, а также 3. *назначения эксперта-психиатра*. Можно сказать, что назначение эксперта почти на 100% имеет место и, в то же время, очень редко, как исключение, свидетельские показания. Заметим здесь, что и стороны только в исключительных случаях выдвигают требования о необходимости свидетельских показаний.

Таким образом, практика вынесения решений по делам об установлении попечительства считает самым занителным — практически решающим в споре — доказательством заключение эксперта. Как я уже отмечал, в связи с определением суда о назначении эксперта, эксперту нужно дать ответ не о том, что обоснованно или нет установление попечительства над ответчиком, а о том, что имеются ли в наличии психические недостатки и, если да, то в какой мере они влияют на рассудочную способность ответчика. Целью этой статьи является не разрешение давно ведущихся споров о том, кто может считаться душевнобольным и как его заболевание влияет (может влиять) на рассудочную способность. Со своей стороны, я соглашаюсь с теми формулировками, в соответствии с которыми: «В патологии психических функций... то общее, что в динамике и историчности жизни не сформировалась, ухудшается, деформируется, искажается, становится не адекватной та способность или функциональный комплекс, с помощью которой человек схватывает вырабатывает и осмысливает явления мира — в рамках общих и индивидуальных возможностей человеческого организма — и к ним сознательно и, в то же время, в биологическом и социальном понимании, запланированным способом, с учетом времени и пространства, способен целенаправленно приспособляться.»²¹

Во всяком случае, может быть подчеркнуто, что несмотря на т. н. большие душевные заболевания, дать общее понятие душевных заболеваний, или заявить с полной уверенностью, что душевное заболевание само по себе находится за пределами оцениваемости гражданским правом, когда оно уже задевает рассудочную способность ответчика (а значит и его дееспособность), очень трудно. В отношении определения о назначении эксперта уже упоминалось, что экспертам следует высказываться не по правовым вопросам, а по вопросам фактов. Экспертное заключение является только одним из средств выявления истины и основанного на этом законного решения (как цели судебного разбирательства) в ходе установления обстоятельств дела, основанных на доказательствах. Поэтому задача суда установить то, чтобы на основании заключения эксперта и других доказательств (при изучении всех обстоятельств дела) можно было

²⁰ Совпадает с: Tájékoztató a gondnokság alá helyezési perek vizsgálatáról. (Информация об анализе споров по делам об установлении попечительства.) — In: Ügyvédi Közlöny, 1980. évi 5. sz. 49. old.

²¹ Szilárd János—Temesváry Beáta: A pszichiátriai betegségfogalom a marxista emberfelfogás tükrében. (Понятие психических заболеваний в зеркале марксистского понимания человека.) — In: Filozófia—Ember—Szakudományok. Akadémiai Kiadó, Bp., 1979. 258. old.

бы решить: рассудочная правоспособность ответчика, уменьшенная в результате установленного душевного заболевания (или болезненной страсти) так-ли тесно связана с его делами, что это юридически значимо влияет на его дееспособность. С учетом этого, значение придается тому, где в какой обстановке живет ответчик, какие у него могут быть дела и т.д. Не все равно, что в городе или на хуторе проживает, есть ли в его окружении такие лица, которые заботятся о нем и т.д. Только так и в таком комплексном подходе может быть принято законное и обоснованное решение.

Пункты (а)—(в) абз. (1) § 13. постановления Министерства юстиции № 9/1965. (УП. 23.) довольно определенно содержат предписания, касающиеся формы и содержания экспертного заключения. Глава 11 методического письма № 4. Венгерского института медицинских наук Министерства здравоохранения дает подробное указание о структуре экспертного заключения и о содержании отдельных элементов внутри этой структуры. (Рамки настоящей статьи не позволяют подробно анализировать этот круг вопросов, однако, следует заметить, что экспертное заключение, как минимум, должно содержать по отдельности следующее: а) результат обследования, б) профессиональная констатация фактов, в) заключение). Однако, в ходе своих исследований я убедился, что не все заключения экспертов удовлетворяют этим требованиям, более того, суды и не требуют во всех случаях этого от экспертов. Во многих случаях можно встретить схематические, небрежные заключения экспертов. Судам нельзя разрешать этого и, вместе с влиянием на повышение уровня работы временных официальных представителей, нужно оказывать свое воздействие на то, чтобы и они призывали экспертов к устранению этих недостатков.

Сейчас уже считается общим чрезвычайно волнующий вопрос в отношении судебной практики об обязательности назначения эксперта в каждом процессе. С моей точки зрения, *в общем нельзя обойтись* без составления экспертного заключения. Подчеркиваю, однако, что ни абз. (1) § 177. ГПК, ни § 43. постановления Министерства юстиции № 9/1965. (УП. 23.) не требуют обязательности назначения эксперта в процессе по делам об установлении попечительства без всяких условий. *«Если для установления или оценки факта или другого обстоятельства, имеющего значение для дела, требуются специальные знания, которыми суд не располагает, то суд назначает эксперта.»* (Абз. (1) § 177. ГПК.) *«Если в гражданском деле становится необходимым определение психического состояния какого-либо лица, то это состояние следует обследовать с помощью постоянного или назначаемого эксперта-психиатра Министерства здравоохранения или врача, специалиста-психиатра.»* (§ 43. постановления Министерства юстиции № 9/1965. (УП. 23.). (Подчеркнуто мною — С. И.). Итак, назначение эксперта только тогда становится обязательным, *если имеющееся душевное болезненное состояние ответчика дает повод для спора!* Естественно, что в судебном разбирательстве полностью однозначные «черно-белые» обстоятельства дела встречаются достаточно редко. В тех случаях, однако, если находящиеся в распоряжении различные медицинские данные и свидетельства, другие доказательства *однозначно и бесспорно* позволяют установить, что для ведения дел ответчика у него с постоянным характером и полностью отсутствует необходимая рассудочная способность, то можно обойтись и без назначения эксперта. Если рассудочная способность ответчика отсутствует не так однозначно, то суд без назначения специалиста-психиатра решить дело не может. Следовательно, среди условий установления попечительства с ограничением или лишением дееспособности различие носит не количественный характер, а качест-

венный, характер степени. «Дело судейского убеждения, что суд установит или нет попечительство над кем-либо с ограничением или лишением дееспособности.»²²

В заключение позволю себе заметить — а это подтверждает и выбор темы — что разработка проблемных вопросов рассмотрения споров по делам об установлении попечительства не только предмет интересов правовой науки. Не все равно, насколько обоснованно выносятся решения, зачастую решающие судьбы людей. И большим числом примеров можно будет подтвердить, что в результате необоснованного решения, вступившего в законную силу, трудовые отношения лица добросовестно обеспечивавшего до этого свои простые обязанности не сохраняются, или, вследствие положений правовых норм, вообще не могут возникнуть. Лицо, находящееся под попечительством, лишаящем его дееспособности, не может вступать в трудовые отношения и даже не имеет удостоверения личности.

²² Világhy Miklós: Polgári jog. I. Általános rész. (Гражданское право. I. Общая часть.) Вр. 1954. Egyetemi jegyzet. 156 old.

Felelős kiadó: dr. Veres József
85-496 — Szegedi Nyomda — Felelős vezető: Dobó József igazgató
Készült; monószedéssel, íves magasnyomással. 2,1 A5 ív terjedelemben,
az MSZ 5501—59 és 5602—55 szabvány szerint
Példányszám: 525

**A SZEGEDI JÓZSEF ATTILA TUDOMÁNYEGYETEM
ÁLLAM- ÉS JOGTUDOMÁNYI KARÁNAK E SZOROZATBAN
ÚJABBAN MEGJELENT KIADVÁNYAI**

Tomus XXXIII.

- Pólay Elemér Emlékkönyv. *Studia in honorem Velimírii Pólay septuagenarii.* (Szeged, 1985).
József Veres: *Vorwort* 5—8 1.
- Fasc. 1. György Antalfy—András Tamás: *State and law-making.* (Szeged, 1985) 9—40 1.
Fasc. 2. Pál Bajory: *Beweisaufnahme im römischen Recht.* (Szeged, 1985) 41—56 1.
Fasc. 3. József Balázs: *Anfänge der Kriminalstatistik in Ungarn.* (Szeged, 1985) 57—70 1.
Fasc. 4. Ferenc Benedek: *Ursprung und Funktion der actio Publiciana.* (Szeged, 1985) 71—92 1.
Fasc. 5. Peter Blaho: *Formen und Methoden der Rechtserzielung im archaischen Rom bis zum Zeitalter des drei fundatores.* (Szeged, 1985) 93—102 1.
Fasc. 6. Ödön Both: *Die wichtigeren sozialen, politischen und verfassungsrechtlichen Ansichten des jungen Bertalan Szemere.* 103—140 1.
Fasc. 7. Róbert Brósz: *Die Rolle der Gewohnheit (des Gewohnheitsrechts) im Laufe der Entwicklung und Entwicklung der longi temporis Praescriptio (nes).* (Szeged, 1985) 141—165 1.
Fasc. 8. Pierangelo Catalano: *Diritto romano attuale, sistemi giuridici e diritto latinoamericano.* (Szeged, 1985) 167—188 1.
Fasc. 9. Ervin Cséka: *Bases de politique juridique et principe de classement des recours de droit pénal.* (Szeged, 1985) 189—202 1.
Fasc. 10. Gábor Hamza: *Zur Frage der historischen Entwicklungstypen der gewillkürten Stellvertretung (Eine rechtsvergleichende Studie).* (Szeged, 1985) 203—212 1.
Fasc. 11. Gottfried Härtel: *Einige Betrachtungen zur Sanctio pragmatica pro petitione Vigillii vom 13. 8. 554. und zur am 13. 4. 534 an Belisar erlassenen Sanctio pragmatica.* (Szeged, 1985) 213—218 1.
Fasc. 12. Robert A. Horváth: *Epistemology and Methodology in The Social sciences: The Case of Statistical Discipline.* (Szeged, 1985) 219—230 1.
Fasc. 13. Johannes Irmischer: *Utopia — Athos?* (Szeged, 1985) 231—234 1.
Fasc. 14. Éva Jakab: *Vom sequestrum der legis actiones bis zum verbindlichen „Gerichtsdeposit“ des Prozeßgegenstandes.* (Szeged, 1985) 235—244 1.
Fasc. 15. Béla Kemenes: *Das fides — Prinzip und sein Zusammenhang mit der fiducia.* (Szeged, 1985) 245—262 1.
Fasc. 16. Hannu Tapani Klamí: *Nomos and Nomisma Comments on Inflation in the Roman Empire.* (Szeged, 1985) 263—270 1.
Fasc. 17. Marek Kurylowicz: *Leges aleariae und leges sumptuariae im antiken Rom.* (Szeged, 1985) 271—280 1.
Fasc. 18. Egon Maróti: *Zur Regelung der römischen Personennamenführung.* (Szeged, 1985) 281—282.
Fasc. 19. Theo Mayer—Maly: *Thensaurus meus.* (Szeged, 1985) 283—290 1.
Fasc. 20. Kálmán Merényi: *Anfänge der Pönalisierung der Sittlich keitsverbrechen (Formen des staatlichen Eingriffs).* (Szeged, 1985) 291—310 1.
Fasc. 21. Imre Molnár: *Alfenus Varus iuris consultus.* (Szeged, 1985) 311—328 1.
Fasc. 22. Dieter Nörr: *Savigny liest Goethe.* (Szeged, 1985) 329—348 1.
Fasc. 23. Ignác Papp: *To the Questions of State Organisation, State Activity.* (Szeged, 1985) 349—354 1.
Fasc. 24. Sandro Schipani: *Römisches Recht, Unabhängigkeits — revolutionen und Rechtskodifizierungen in Lateinamerika.* (Szeged, 1985) 355—366 1.
Fasc. 25. Ildikó Szondi: *The Rationalisation of the Registration of Housing Claims and Charges in Housing Economy in Hungary since 1980.* (Szeged, 1985) 367—380 1.
Fasc. 26. Jenő Szilbereky: *Über die umfassende Neuordnung des Zivilverfahrens.* (Szeged, 1985) 381—390 1.
Fasc. 27. István Szűcs: *Die fortdauernde Geltung zweier Grundsätze des römischen Rechts in ungarischer Verwaltungsrechtsanwendung.* (Szeged, 1985) 391—404 1.
Fasc. 28. Árpád Tóth: *Rechtsstellung der Arbeiter der militarisierten Betriebe in dem ersten Weltkrieg in Ungarn.* (Szeged, 1985) 405—420 1.
Fasc. 29. József Veres: *Fortleben römischer Rechtsinstitute im ungarischen Bodenrecht.* (Szeged, 1985) 421—432 1.
Fasc. 30. János Zlinszky: *Die historische Rechtsschule und die Gestaltung des ungarischen Privatrechts im 19. Jahrhundert.* (Szeged, 1985) 433—446 1.
Fasc. 31. *Liste der Publikationen von Elemér Pólay.* (Szeged, 1985) 447—

Tomus XXXIV.

- Fasc. 1. Bajory Pál: *A másodfokú bíróság határozatai a polgári eljárásban.* (Szeged, 1985) 35 1.
- Fasc. 2. Cséka Ervin: *A jogorvoslatok helye a büntető eljárásban.* (Szeged, 1985) 15 1.
- Fasc. 3. Józsa Zoltán: *Albérleti kis-nagy ipar?* 15 1.
- Fasc. 4. Pólay Elemér: *Rabszolgák „házassága” az ókori Rómában.* (Szeged, 1985) 72 1.
- Fasc. 5. Antalffy, György: *Cours l'État Socialiste.* (Szeged, 1985) 93 1.
- Fasc. 6. Papp Ignác: *Связь профессиональных союзов с органами государственного управления* (Szeged, 1985) 35 1.
- Fasc. 7. Szabó, Imre: *Теоретические и практические вопросы из области судебных разбирательств по делам об установлении попечительства.* (Szeged, 1985) 22 1.
- Fasc. 8. Szűcs István: *The rights of the party in the public administrative procedure.* (Szeged, 1985) 16 1.
- Fasc. 9. Terz, Panos: *Die Normbildungstheorie (Eine völkerrechtsphilosophische, völkerrechtsoziologische und völkerrechtstheoretische Studie)* 50 1.